

sation of construction and to estimate the minimum cost of erecting a small temple portico as 5000 denarii (see the inscriptions on the architrave and columns of the temple of Aphrodite in Chersonesus: *IOSPE I*² 440—446). He was also able to mark off three distinct periods in North Pontic architecture of this era: (1) first half of the 1st century A. D., (2) beginning of the 2nd century: Sauromates I (93/4—123/4); and (3) the turn of the 2nd and 3rd centuries: Sauromates II (173/4—210/11). The large size of important public buildings in the North Pontic cities attests the considerable economic resources of their rulers. By aesthetic and technical standards public architecture here does not lag behind that of provincial Mediterranean and other Pontic architecture. North Pontic building is generally on a smaller scale, but loses nothing in artistic and decorative quality.

О НАДПИСИ КБН, 838

Настоящая статья посвящена одной загадочной надписи, которую в 1907 г. опубликовал В. В. Латышев по описанию и эстампажу Шкорпила в «Известиях Археологической Комиссии»¹. Несколько позднее она вошла в состав «Корпуса боспорских надписей»². К сожалению, надпись утрачена, так что судить о ней можно только по краткому, но достаточно ясному описанию В. В. Латышева, а также по рисунку (снимку) с эстампажа, приложенному им к описанию.

Надпись была сделана на плите из мягкого известняка высотой 0,84 м, шириной 0,41 м и толщиной 0,13 м, увенчанной на обресе карнизом. Над надписью с левой стороны небрежно вырезаны знаки, как считает В. В. Латышев, в виде листа и гранатового яблока, соединенные двумя чертами, изображение ключа и пр. Издатели Боспорского Корпуса подходят к истолкованию этих знаков более осторожно и вполне основательно трактуют их как знаки неясного содержания. Кроме того, в КБН отмечено наличие еще одного знака (у В. В. Латышева он изображен на рисунке, но не истолковывается), который понимается как буква А. Под этими знаками вырезана довольно небрежно надпись в две строки, по словам В. В. Латышева, сильно стертая. Это замечание вызывает некоторое сомнение, так как на рисунке, или, как его называет В. В. Латышев, снимке, сделанном с эстампажа, все буквы изображены с очевидной четкостью. Высота букв 0,02—0,03 м. В. В. Латышев относит надпись к римскому времени, издатели КБН — ко II—началу III в. н. э.

Все уцелевшие буквы читаются достаточно легко, несмотря на то, что три буквы — *κζρ* — частично попорчены. Так что надпись в том виде, в каком она дошла, можно изобразить следующим образом:

γλυκαριων λιωνομεων | ετηχ —

На рисунке ясно видно, что во второй строке вслед за *ετηχ* могло стоять не более двух букв. Они оказались совершенно стертыми.

Первое чтение Латышева следующее:

Γλυκα[ρ]ίων
ετηχ[εν].

При этом он замечает, что содержание надписи неясно. В дальнейшем он сделал попытку более полно прочесть надпись, но опубликовать ее не успел или не захотел. Это новое чтение было найдено в архиве Латышева,

¹ В. В. Латышев, Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 года), ИАК, 23, 1907, стр. 45, № 30.

² КБН, М.—Л., 1965, 838.

ОНО И ВОШЛО В КБН:

Γλυκα[ρ]ίωv ἀλι(εύω)v? ΟΜΕΩΝ
ἔτυχ[εν].

«Гликарion, рыбака (?), получил омеи» (?). Латышев еще раз заметил, что содержание надписи остается неясным, и, по-видимому, на этом остановился. В КБН (стр. 467) приводится также изустное объяснение этой надписи И. И. Толстым: «ΟΜΕΩΝ — по-видимому, род. падеж множ. числа к именительному падежу ед. числа ὀμεύς, — очевидно, название какой-то морской рыбы. Сказуемое ἔτυχ[εν] указывает на удачный лов последней. Смысл надписи следующий: рыбакишнему Гликарionу посчастливилось в ловле „омеев“».

Отметим слабые стороны такого чтения. Во-первых, сразу становится ясно, что смысл надписи для ее интерпретаторов так и не проявился. Можно ли эту надпись отнести к какому-нибудь типу надписей, считать ее, скажем, votивной? Очевидно, нельзя. Она очень необычна и не имеет никаких аналогий. Более того, нам кажется, что она в данном переводе совершенно бессмысленна. В таком виде, в каком она приведена в КБН, она является безэмоциональной констатацией факта и была бы уместна, скажем, как упражнение в учебнике древнегреческого языка. Будучи начертанной на камне, она утрачивает почти всякий смысл. Допустим, что Гликарionу посчастливилось наловить много рыбы. Естественно предположить, что свою радость по поводу случившегося он выразил бы в благодарственном приношении какому-либо божеству с приличной случаю надписью. Наконец, если Гликарion был до такой степени чудак, что поспешил запечатлеть собственный подвиг на каменной стеле, то в этом случае в надписи недостает хвастливости, свойственной всем рыбакам, которая должна была быть выражена по крайней мере в указании размера улова и т. п. Вряд ли можно предположить, что эти «омеи» (такого вида рыб мы не знаем вообще) были какой-то уникальной и ценнейшей рыбой. Ведь нам известно множество видов рыб, в том числе и ценнейших, но «омеев» никто не упоминает. Наконец, можно предположить чью-либо шутку (может быть злую) в адрес неудачливого рыбака, но от этого смысл слова ΟΜΕΩΝ не станет яснее.

Во-вторых, если принять чтение В. В. Латышева (подчеркиваем, предположительное чтение, которое, видимо, далеко не удовлетворяло самого ученого), то придется допустить, что резчик вместо ΕΥΩ! вырезал ΩΟ; бывает довольно часто, что резчик пропускает букву или две, вместо одной буквы вырезает другую, иногда вставляет другую букву, но предположить такую грубую ошибку, какую мы видим здесь, весьма затруднительно: слишком определенно яркие буквы Ε, Υ (и Ω), чтобы заменить их на ΩΟ; если резчик даже пропустил ΕΥ, то непонятно, почему он потом вставил совершенно неуместное Ο. Да и слишком большое число букв приходится в данном случае взаимозаменять. Наконец, еще раз заметим, что ничего похожего на ΟΜΕΩΝ в древнегреческом языке не наблюдается.

Таким образом, становится очевидно, что в таком виде эта надпись не поддается ни прочтению, ни истолкованию. Попытаемся подойти к истолкованию этого текста и этого памятника в целом с другой стороны, материальной.

Скупое, но точное описание этой плиты (плита известняковая, увенчанная карнизом), ее размеры, высота букв — все за то, чтобы предположить, что перед нами стела.

Обратим внимание также еще на одно обстоятельство, могущее стать решающим — место находки этой плиты: «Найдена она в Керчи при пла-

нировке продолжения Институтской улицы, против дома № 1, недалеко от места, где были обнаружены № 419, 579, 679, 707»³.

Первый издатель надписи, Латышев, пишет более определенно: «против дома № 1, где были найдены раньше (вышеупомянутые надписи)»⁴. Что представляют собой эти четыре другие надписи? Это типичные надгробные стелы римского времени, в основном датируемые II веком н. э. Место находки одной из них, КБН, 419⁵, Латышев описывает так: «Найдено... над гробницей, найденной рядом с той, которая была покрыта надгробием № 39»⁶. Становится ясно, что на этом участке некогда был поздний античный некрополь, так что методически правомерно было бы предположить, что и данная плита является надгробной стелой. В этом убеждает нас также и ее описание, и ее размеры, и высота букв, мало чем отличающаяся от того, что мы наблюдаем и у других четырех стел. Следует только заметить, что эти другие стелы выполнены более богато: они украшены рельефами и надписи на них вырезаны более тщательно. Наша стела, очевидно, рельефных изображений не имела, так как, судя по описанию, карниз именно увенчивал ее; да и надпись выполнена не слишком аккуратно. Более того, можно почти с уверенностью сказать, что исполнитель надписи был человеком малограмотным, иначе он не изобразил бы букву N в первой строке, как русское И. Размеры букв постепенно уменьшаются от начала к концу надписи. Короче говоря, все указывает на бедность заказчика этой стелы.

Теперь попытаемся прочесть эту надпись иначе, основываясь на изложенных выше чисто внешних признаках, хотя методически, может быть, это и не очень хорошо, и нас могут справедливо упрекнуть в предвзятости. Тем не менее предлагаем такое чтение:

Γλυκαρίων ἀλίω(ς) ὄνομ' ἐὼν | ἔτυχ[ες].

«Напрасно по имени ты оказался (был) Гликарион», т. е. «напрасно тебе дали имя Гликарион».

Единственный внешний недостаток такого чтения — это необходимость вставить в текст лишнюю сигму, предположив, что резчик пропустил ее по небрежности; подобные пропуски отдельных букв в такого рода надписях встречаются весьма часто.

Итак, перед нами нечто очень похожее на эпитафию. Наличие двух чисто поэтических форм (ἀλίω(ς) и ἐὼν) и необычный порядок слов говорят о том, что эпитафия эта может быть только стихотворной. Действительно, с грехом пополам она укладывается в пентаметр. Надо сказать, что эпитафии, состоящие из одного пентаметра, — явление довольно обычное и для раннего и для позднего времени. По крайней мере в сборнике В. Пеека мы насчитали таковых шесть⁷. Если учесть, что однострочных метрических эпитафий вообще не так уж много, то цифра получается достаточно внушительная.

В двух местах размер все же не выдержан. Плохо укладывается в пентаметр имя умершего: начальный слог должен быть долгим, а в имени Γλυκαρίων первый слог краток. Впрочем, эта неувязка легко объяснима: дело в том, что многие имена собственные плохо укладывались в те или иные стихотворные размеры, но ведь имя умершего надо было вставить в строку, поэтому часто автор эпитафии вынужден был поступить правильно метром, оказавшись в безвыходном положении. Имеется не-

³ КБН, стр. 467.

⁴ ИАК, 23, 1907, стр. 45.

⁵ ИАК, 10, 1904, стр. 73, № 80.

⁶ КБН, 679.

⁷ W. P e e k, Griechische Versinschriften, B., 1955, № 63, 354, 456, 604, 928, 1134.

мало случаев, когда имя собственное введено в стихотворную строку с явным нарушением метра ⁸.

Существительное *ὄνομα* также выходит из размера, так как начальный слог в этой стопе должен быть долгим. Но ведь нам прекрасно известно, что с самой ранней поры в метрических надписях была общеупотребительна ионийская поэтическая форма этого слова *οἶνομα* с долгим начальным слогом; несколько позднее появляется и *ὄνομα*, сосуществуя с *οἶνομα*. Ту или другую форму употребляли в зависимости от метрического удобства. Иногда мы встречаем ту и другую в пределах одного стихотворения ⁹. Был и еще один способ удлинения начального слога — кразис *τοῖνομα*. Так что в данном случае сочинителю было очень легко, казалось бы, выйти из положения, используя тот или другой вариант; и тем не менее резчик вырезал именно *ὄνομα*. Можно высказать следующее предположение: в начальном варианте предполагалось вырезать *οἶνομα*, но резчик по безграмотности или просто механически, не думая о том, что перед ним стихи, а не проза, вырезал это слово в привычной для него форме. Впрочем, возможны и какие-либо другие причины. Таким образом, обе метрические ошибки можно как-то объяснить.

Остается сказать несколько слов о смысле эпитафии. Будучи не вполне грамотной и весьма небрежно вырезанной, она удивляет некоторой изысканностью построения. Вся соль этого маленького стихотворения в очень удачном обыгрывании смысла имени Гликарион. Являясь однокоренным с прилагательными *γλυκός, γλυκερός*, оно и означало нечто вроде «сладостный, приятный», может быть «счастливый». Следовательно, смысл надписи в том, что умершему напрасно, зря дали такое сладостное, счастливое имя, в то время как настоящий удел его горек, горестен. Это толкование великолепно подтверждается тем, что как раз в стихотворных эпитафиях (да и не только в них) словам *γλυκός, γλυκερός* последовательно противопоставляется слово *πικρός* «горький, горестный». Эпитеты *γλυκός* и *γλυκερός* постоянно стоят рядом с существительными, означающими «жизнь» — *βίος, βίος, φῶς, πνεῦμα* ¹⁰, а *πικρός* — не менее постоянный эпитет слов, означающих «смерть» — *τῆμβος, Ἀίδης* и т. п. ¹¹. Таким образом, игра строится на противопоставлении счастливому, сладостному имени умершего горькому его уделу.

Что можно сказать в заключение о тех изображениях, которые вырезаны над надписью? Одно из них, по убедительному толкованию Ю. Г. Виноградова, любезно сообщенному нам, представляет собой рисунок не «листа и гранатового яблока», а рукояти меча. Он сближает его с изображениями мечей на надгробиях мужчин-воинов из Херсонеса ¹². Второй знак, сохранившийся хуже, нам непонятен. Третий знак очень похож на

альфу, но только ее перекрывает сверху горизонтальная черточка ($\overline{\alpha}$),

да и изображена она наклонно по отношению к надписи. Если это действительно *альфа* и имеет непосредственное отношение к надгробию, то, может быть, ее можно трактовать как горестное восклицание *α*, засвидетельствованное наряду с *οἶμοι, αἰαί* и пр. в нескольких стихотворных надписях в начале метрической строки ¹³, но в нашей надписи эта *альфа* начертана отдельно. Поэтому все, что сказано по поводу *Α*, остается всего лишь самым робким предположением.

Н. В. Шебалин

⁸ Реек, ук. соч., № 67, 80, 82, 106, 142, 151, 157, 231, 271 и т. д.

⁹ Там же, № 654.

¹⁰ Там же, № 231, 254, 297, 307, 384, 457, 483 и т. д.

¹¹ Там же, № 308, 434, 443, 478, 567, 635 и т. д.

¹² См. Э. И. Соломоник, Новые эпитафические памятники Херсонеса, Киев, 1973, стр. 258.

¹³ Реек, ук. соч., № 1676 (?), 1677, 1684.

ON THE INTERPRETATION OF THE BOSPORAN INSCRIPTION KBN 838

N. V. Shebalin

The author proposes a new reading of the inscription (dated in the 3rd century A. D.), which in the *Korpus Bosporskikh nadpisei* (1965) is given in V. V. Latyshev's reading. Latyshev considered the text of the inscription not fully intelligible and interpreted it tentatively as a statement that a certain «Glykarion while fishing (?) got omei (?)». The author of the present article, not satisfied with this interpretation, offers a new one. He suggests that the stele should be regarded as a gravestone and that the inscription be understood as a metrical epitaph consisting of a single pentameter line in which the «sweetness» implied by Glykarion's name is contrasted with the bitterness of his fate: «Glykarion they named thee all in vain».

О ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ, СООБЩАЕМЫХ В ТРАКТАТЕ ПАЛЛАДИЯ «DE RE RUSTICA»

Сочинение Рутилия Тавра Эмилиана Палладия о сельском хозяйстве ¹ в древности считалось столь же заслуживающим доверия, как и сочинение Колумеллы. Кассиодор писал: «Pari etiam modo in agris colendis, in apibus, in columbis, nec non piscibus alendis inter ceteros Columella et Aemilianus auctores probabiles extiterunt» ². Однако к мнению Кассиодора никто не прислушался. Более того, его оценка труда Палладия не приводится в специальных работах.

Время появления трактата — рубеж III и IV вв. н. э. ³, а также тот факт, что от эпохи поздней античности других подобных сочинений до нас не дошло, делают его весьма ценным источником. Исследованием трактата Палладия занимались до сих пор главным образом филологи. Свои выводы один из них, М. Вельман, формулирует так ⁴: «В основном Палладий — не более чем популяризатор Гаргилия Марциала, он в таком же отношении к нему, как Фавентин к Витрувию». Чтобы обосновать это утверждение, М. Вельман сравнивает сходные места из сочинений Колумеллы, Палладия и Гаргилия Марциала. На основании их сходства делается заключение о последовательности заимствований. По мнению М. Вельмана, Гаргилий Марциал заимствовал у Колумеллы, а Палладий в свою очередь у Гаргилия Марциала.

Обратимся к сравнению экскерптов из Гаргилия Марциала, приводимых в статье М. Вельмана, и параллелей к ним из Палладия.

1. Рассказывая о приготовлении сока айвы, Палладий советует (XI, 20, 2) смешивать с двумя секстариями такого сока 1,5 секстария уксуса, а Марциал на то же количество сока рекомендует добавлять 1 гемину уксуса ⁵.

¹ J. Ch. Schmitt, *Palladii Rutilii Tauri Aemiliani viri inlustris Opus agriculturae*, Lipsiae, 1898; M. Nisard, *Les agronomes latins*, P., 1844, R. Tauri Aemiliani *Palladii De re rustica*.

² J. P. Migne, *Patrologiae cursus completus. Series latina. De insitione divinarum litterarum*, P., 1847. XXVIII, ст. 1143.

³ В. Г. Гаврилов, О датировке трактата Палладия, «Вестник Московского университета. История», 1971, № 6.

⁴ M. Wellman, *Palladius und Gargilius Martialis*, «Hermes», 1908, № 43, стр. 2.

⁵ 1,5 секстария = 0,82 л, 1 гемина = 0,27 л; таким образом, полного совпадения нет.